

Подходы к идентификации и концептуализации латентной сферы политики

Коньков Александр Евгеньевич

Кандидат политических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [9877-4110](https://elibrary.ru/9877-4110), ORCID: [0000-0002-6198-9962](https://orcid.org/0000-0002-6198-9962), KonkovAE@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье исследуется роль скрытых (латентных) явлений политики, способных оказывать влияние на процесс вовлечения акторов в политическое взаимодействие и принимаемые ими решения, остающихся не до конца изученными в современной науке. Рассмотрение широкого круга работ в различных областях гуманитарного знания за последние десятилетия позволяет подтвердить воспроизводство четкого исследовательского интереса к раскрытию подлинной роли и разнообразных форм, которые в своей эволюции приобретают механизмы скрытого воздействия на государство и его институты. Фактор публичности, выступающий, с одной стороны, как важнейший атрибут современной политической реальности, а с другой — как элемент социальной легитимации намерений и усилий действующих политических акторов, обуславливает заметный водораздел между широко исследуемой публичной сферой и сферой латентной, которая, как правило, остается за скобками позитивно обусловленного знания. В статье анализируются широко распространенные понятия неформальности, непубличности, теневого характера осуществляемых в политическом пространстве действий, которые используются для описания соответствующих явлений, находящихся вне поля непосредственного социального контроля. Особый акцент делается на обосновании терминологии латентности, в большей степени, на взгляд автора, позволяющей характеризовать весь комплекс отношений между политическими акторами, возникающих в связи со скрытыми интересами и их реализацией и предопределяющих воспроизводство специфической сферы скрытого взаимодействия последних — латентной сферы политики. На основе сопоставления сформировавшихся в теоретических работах подходов к трактовке неоглашаемых целей и механизмов политической самопрезентации участников современных властеотношений определяются базовые параметры различения латентности, латентных явлений и латентной сферы в современной политической реальности.

Ключевые слова

Латентная сфера, публичная сфера, латентные явления, интересы, политика.

Для цитирования

Коньков А.Е. Подходы к идентификации и концептуализации латентной сферы политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 106. С. 170–182. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-106-2024-170-182

Approaches to Identifying and Conceptualizing Latent Sphere of Politics

Alexander E. Konkov

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-6198-9962](https://orcid.org/0000-0002-6198-9962), KonkovAE@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article deals with hidden (latent) phenomena of politics, which may influence process of actors' involvement into political interaction and taken by them decisions, as those remain to be not enough studied in modern science. Once consider a wide variety of academic papers from previous decades and different spheres of social science, it gets quite clear that there was rather permanent research interest for discovering the real role and various forms, through which the mechanisms for latent influencing state and its institutions can evolve. The factor of publicity, which turns to be on the one hand a key attribute for modern political reality, and on the other hand an element of social legitimizing relevant political actors' intentions and efforts, causes some kind of watershed between a widely studied public sphere and a usually left aside from the positivistic-bound social knowledge latent sphere. The article analyses widely used notions of informality, unpublicity, shadow character of the taken within political dimension actions, which may be involved for describing corresponding facts appearing out of the immediate social control. Specific attention is paid to arguing the terminology of latency, which author finds more appropriate to characterize as a whole all the relations resulted from the close interests and their fulfilment among political actors as well as predetermined regeneration for the specific sphere of their (actors) secret interacting — the latent sphere of politics. On the basis of comparing different approaches appearing in actual theoretical discourse to rendering not proclaimed goals and mechanisms for political self-presentation by participants of modern power relations it develops some basic parameters to distinct latency, latent phenomena and latent sphere in modern political reality.

Keywords

Latent sphere, public sphere, latent phenomena, interests, politics.

For citation

Konkov A.E. (2024) Approaches to Identifying and Conceptualizing Latent Sphere of Politics. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 106. P. 170–182. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-106-2024-170-182

Дата поступления/Received: 12.07.2024

Введение

Выделение политики и происходящих в ней процессов в особую сферу общественной жизни обусловлено, как известно, обширными специфическими характеристиками соответствующего рода отношений между людьми, отличающими их, в частности, от отношений экономических, культурных, социальных в целом. По сути, несмотря на многообразие взглядов и представлений об эволюции человечества и его жизни, политика предстает в качестве одного из базовых параметров, оформляющих способность разных людей (а по некоторым оценкам, и любых живых существ) к самоорганизации и совместной целенаправленной деятельности: политика неотступно сопровождает общество в его становлении и развитии, образует его непосредственную сущность в дополнение к биологической природе.

При этом, несмотря на такого рода имманентность политики общественному развитию и значительную погруженность общества и в реализацию непосредственно политического процесса, и, что в данном случае особо важно, в неослабевающую рефлексию о мире политического, само содержание этого параметра отношений между людьми редко может характеризоваться стабильностью и предсказуемостью. Наблюдаемая политика, как правило, представляет собой лишь плод сочетания множественных индивидуальных и субъективно обусловленных действий, бездействий, замыслов и эмоций, остающихся как глубоко в сознании самих участников процесса, так и порой даже за рамками чьего-либо рационального восприятия в ситуациях инстинктивного реагирования на стечение определенных обстоятельств.

Происходящее в политике включает, таким образом, как наблюдаемые и остающиеся в пространстве досягаемости явления, так и нечто скрытое, обусловленное различными субъективными интенциями множественных участников политического процесса, но получающее отражение уже в их наблюдаемой активности. Глубина и пестрота этого скрытого редко становилась предметом особого и всеобъемлющего изучения, однако его значимость вряд ли может ставиться под сомнение в силу индивидуальности сознания любого актора.

На систематизацию теоретических подходов к идентификации, а также к определению места и роли скрытых явлений в политическом процессе нацелено настоящее исследование. Для этого будут решаться соответствующие задачи, связанные, во-первых, с уточнением ключевых теоретических взглядов на изучение латентных (скрытых) явлений в политике, во-вторых, с обобщением и прояснением основных понятий, применяемых для описания такого рода параметров политической активности, в-третьих, с определением базовых категорий изучения латентной сферы как особого пространства политической самореализации конкурирующих акторов.

Скрытые параметры проявления политического акторства

Само понятие интереса, вероятно предшествующего и, как правило, предопределяющего, по мнению исследователей [Аверина 2022; Буханцова 2021], возникновение политических отношений, базируется на самостоятельном зарождении внутри субъективного сознания его носителя, то есть интерес как предпосылка для политической реализации изначально скрыт — он вне наблюдаемого поля социальных взаимодействий.

Индивидуальный интерес скрыт вообще от всех членов общества, будучи порождением сознания конкретного человека, который волен держать его при себе и не посвящать кого-либо в сам факт его наличия. Групповой интерес, как правило, также отражает суть внутrigруппового взаимодействия и, даже будучи артикулированным и вербализованным, представляет собой не столько полное выражение феномена совместной связанности конкретной группы, сколько упрощенную версию лишь ожидаемого результата для ее членов — выраженную позицию соответствующего интереса.

Нельзя в этом контексте не отметить и специфику интереса общественного (национального, коллективного, государственного), который, несмотря на закладываемую в его понятие массовость и всеобщую разделяемость, и по факту, и по самому своему априорному смыслу также далек от полного раскрытия [Цыганков 2020; Лебедева 2024]. Будучи явлением, описывающим представления наиболее широкого круга носителей, такого рода интерес призван скорее отражать коллективное бессознательное, быть в большей степени условным, существовать на довербальном уровне, чем представлять ясные выразительные конструкции.

С одной стороны, это существенно осложняет возможности его непосредственного формулирования, но с другой — создает основу для разнообразного интерпретирования и перманентного уточнения политическими акторами, конкурирующими за социальное представительство и использующими, таким образом, незаконченность общественного интереса в интересах уже своих — индивидуальных и групповых. Формулируемые далее на основе общественного интереса позиции находятся в постоянной динамике и обновлении за счет дополнительных «вводных» со стороны все новых претендентов на власть в обществе и государстве.

Строго говоря, все множество интересов, наполняющих саму суть социально-политического взаимодействия и тем самым усложняющих жизнь общества, не позволяя свести ее к линейной логике, в основе своей носит скрытый характер, не позволяющий рационально выстраивать единственно верный механизм общественного согласия. Подходы к принятию ответственности за агрегирование политических интересов от имени всего общества и претензии на политическое лидерство в целом в данном ключе позволяют трактовать деятельность акторов как процесс коммуникативного раскрытия и внедрения изначально скрытых интересов в позиционирование общих (групповых или общественных) интересов.

Более того, в ходе коммуникативного раскрытия («опубликования») общественного интереса как интегрированной совокупности разрозненных индивидуальных и групповых интересов различных участников соответствующего социума в эту же совокупность в «привилегированном» порядке примешиваются интересы ключевых игроков собственно политического процесса: лидеров, администраторов, посредников — стейкхолдеров принимаемых на этой основе решений. Политика как целенаправленная активность, в соответствии с описанной логикой, предстает уже как особый механизм управления тем, что (в общем и целом) скрыто от общества.

Среди трех форм политической власти, выделявшихся итальянским политологом Н. Боббио, две — полускрытое и скрытое правление — характеризуют как раз различные неявные формы деятельности властных институтов [Bobbio 1980]. Полускрытым он считал такое влияние, которое оказывают структуры неофициальные или официальные, но не имеющие на это прямых полномочий (например, лоббирование). Скрытое же правление, которое он называл «криптоправлением», связывалось с деятельностью военизированных (вооруженных) групп, которые могут приобретать и криминальные формы, в контексте принятия государственных решений вне публичных демократических институтов.

Скрытый характер интересов, а следовательно, и самих действий, разрабатываемых и осуществляемых на их основе политическими акторами, обуславливает субъективную суть политической самопрезентации участников общественных отношений. Политическая активность исходит из неких сознательно или даже подсознательно конструируемых предпосылок индивидуального, группового и общественного толка, а потому базируется на огромном множестве скрытых помыслов и замыслов, являющихся неотъемлемой частью интегрированного (совокупного) политического процесса, но, как правило, остающихся за рамками рационального осмысления, анализа, познания в целом.

В науке пока не сложилось устойчивого и всеобъемлющего подхода к скрытым явлениям, находящимся вне прямого наблюдения исследователя и при этом проявляющимся в реальных политических практиках, оказывающих существенное влияние на ход и развитие политического процесса. Вместе с тем было бы неверным считать, что рассматриваемая проблематика возникает впервые: скорее, наоборот, интерес к происходящему вне посторонних глаз был всегда, пусть и носил во многом фоновый и разрозненный характер.

Исследователи политического мира периодически обращались и продолжают обращаться к метафоре черного ящика для характеристики политической системы в целом или ее отдельных аспектов [Easton 1965; Panayotou 1997]. Тем самым хоть и не всегда раскрывается специфика видоизменяющегося процесса, но дифференцируется его открытая, наблюдаемая часть и закрытая, не доступная для непосредственного восприятия.

Сформулированная Д. Нортом концепция неформальных норм и институтов позволила включить в рассмотрение различные реальные практики, в том числе неочевидные с точки зрения действующих порядков, но прямо сказывающиеся на ходе социальных, политических, экономических процессов [North 1990]. Изучение современной политической среды уже невозможно без оценки де-факто отношений и структур, выходящих за рамки публично формализованных.

Вместе с тем в целом в научной литературе подходы к описываемому дискурсу носят спорадический характер и, как правило, увязаны с рассмотрением каких-либо частных проблем. В частности, в отечественной литературе последнего времени можно встретить работы, обращающие внимание на особенности политического патронажа [Мельников 2021] и клиентелизма [Кочедыков 2024], институциональной коррупции [Скоробогатова 2019], особых отношений в политике и государственном управлении — латентных, теневых, невидимых [Журавлева 2016; Моляренко 2016] и т. д.

Как легко увидеть, для обозначения скрытых явлений авторы обращаются к разным понятиям. Каждое из них, несмотря на в целом схожую предметную направленность, обладает своей сущностно-атрибутивной спецификой, отражающей нюансы различных характеристик скрытых феноменов политической реальности. Прежде чем сосредоточиться на особенностях самих этих феноменов, важно определиться в терминах и уточнить различия между такими их определениями, как неформальные, непубличные, теневые и латентные, наиболее часто используемыми при описании скрытых аспектов взаимодействия.

Неформальные, непубличные и теневые явления в политике

Весьма обширное распространение в социально-политических исследованиях получило понятие неформальности и неформальных явлений. В силу активного проникновения и развития институциональных и неинституциональных взглядов на устройство социальных процессов само понятие формализации и, как следствие, дифференциации формального и не соответствующего формальному состояний выступает важным критерием оценки статусно-ролевой специфики действующих акторов и их воздействия на политический процесс.

Неформальные явления и институты, коммуникации и практики формируют особый дискурс де-факто общественно значимой активности, содержательно отражающей недискретный характер политических отношений. Они наполняют реальную ткань взаимодействия субъектов, дополняя (и противопоставляя) формальные объекты, выступающие в качестве более ограниченного набора конструкторов, обладающих при этом соответствующего рода функциональностью. Многие ученые даже отмечают историческое предшествование неформальных норм перед формальными, указывая, что сложившиеся практики служат надежным фундаментом для их официального оформления [Axelrod 1986].

При этом сами неформальные состояния едва ли носят сугубо политический характер — точнее будет определять их в качестве общесоциальных явлений, которые проявляются в совершенно разных активностях человека и связаны с самой его природой как биосоциального существа, осуществляющего множественные формы взаимодействия с различными контрагентами. Г. Хельмке и С. Левицки описывают неформальные явления как «социально разделяемые правила, обычно неписанные, которые создаются, передаются и применяются вне официально санкционированных каналов» [Helmke, Levitsky 2004, 725]. Иными словами, неформальность предстает как неотъемлемая часть человеческого существования, никак не обусловленная обстоятельствами, накладываемыми контекстом положения в политическом пространстве.

Вместе с тем исследователи не могут не обращать внимание на специфику неформальных связей, возникающих и развивающихся в русле политических отношений, где происходит формирование особых производных интенсивного приложения такого рода общесоциальных свойств — таких качеств, как неформальное управление¹, квазиполитические системы [Соловьев 2022], разного рода «мегаинституты» («Система») [Ledeneva 2001], обуславливающих деятельность любых других политико-административных механизмов.

Неформальные явления, безусловно, концентрируют особую предметную среду взаимодействия, однако, во-первых, как уже отмечено, в политике она является продолжением общесоциальных практик прямых контактов между участниками общения, а во-вторых, применительно к представляющим в рассматриваемом контексте категориям скрытости не отражают в полной мере смысл, вкладываемый в последнее понятие: неформальное не тождественно скрытому.

Неформальные явления вполне могут скрываться их агентами, но отнюдь не обязательно это происходит. Неформальные акции могут быть (и часто даже прямо являются) открытыми и даже продвигаемыми, в известной мере пропагандируемыми. Например, для получения преимуществ при конкурсном рассмотрении заявок в органах власти целесообразно обозначить знакомство со стейкхолдерами, заручиться рекомендательными письмами от значимых фигур соответствующей отрасли или сферы (вышестоящих руководителей, глав профильных парламентских комитетов, региональных структур, саморегулируемых организаций (СРО) или государством организованных негосударственных организаций (ГОНГО) и др.); в преддверии рассмотрения полезным оказывается установление личного контакта с лицами, принимающими решения и др.

Ровным счетом и наоборот: скрытые нормы и механизмы могут носить как неформальный, так и в общем вполне формализованный (возможно, с поправкой на специфические системы такой формализации) характер. Например, разного рода секретные документы или всевозможные правила и «кодексы чести» закрытых клубов и структур вплоть до околориминальных и криминальных группировок, «серая» и «черная» бухгалтерия, особые ритуалы и проч.

Иными словами, несмотря на предметно-атрибутивную близость понятий, неформальные и скрытые явления и характеристики представляют собой все же разнородные категории, лишь в определенных вариациях способные образовывать совместные смысловые конструкции.

Схожим образом близким оказывается и понятие непубличности. Непубличные явления в своем непосредственном толковании отражают то, что выходит (выводится) за рамки публичного пространства, за пределы обозревания публикой — коллективным актором, выступающим в качестве универсального критерия массовости общесоциальных акций.

¹ См.: Вилюсов М.В. Неформальное правление // Политология. Новый Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект пресс, 2023. С. 164–173.

Коллективный актор как множество людей (граждан, жителей, подданных, публики — общество в целом), именно в своей совокупной массе концентрирующая способность к определяющему воздействию на политический процесс, возник относительно недавно по историческим меркам. Традиционно вопросы распределения власти решались узким кругом приближенных к центрам принятия решений, и в соответствующую информацию посвящались лишь те, кому это было нужно. С переходом к гражданско-национальным основаниям государственности и политического действия, в Новое время ядро ответственности за принимаемые решения начало смещаться в зону солидарного контроля между элитами и массами. При этом последовательно расширялся декларируемый примат именно масс: народ — источник власти и суверенитета [Сергунин 2010].

С появлением коллективного актора политическая энергия вышла за рамки правящего класса и стала оспариваться все большим числом субъектов. Несмотря на сложность организации и тем более самоорганизации народных масс, именно апеллирование к обществу и его интересам, манипулирование настроениями, существующими в различных его частях, превратилось в инструмент конкурентоспособности и, по сути, подлинного акторства различных участников политического процесса.

Публичность как вовлечение общества в общественно-политическую дискуссию стала, таким образом, критерием и одновременно способом современной борьбы за власть, где умение сочетать скрытые договорные и открытые прокламационные техники достижения целей стало приводить не только к более «справедливым» компромиссам, но и к усугублению разногласий: демонстрациям и уличным протестам, революциям, гражданским войнам и другим формам масштабирования конфликтов и кризисов.

Публичный фактор — сложное и многомерное свойство, вовлекающее объект в систему множественных отношений с обществом (публикой), делающее его частью утилитарно трактуемой объективной реальности. Именно публичность сегодня выступает важнейшим атрибутом политического процесса, в котором преломляется все более широкий круг событий и явлений, представляющих интерес для общества. Поэтому непубличные сущности, выступающие своего рода антагонистами различных элементов публичной сферы — авансены политического процесса, маркируют и те явления, которые целенаправленно выводятся акторами из непосредственного оборота, скрываются от коллективного внимания.

Вместе с тем в силу такого антагонизма и противопоставления публичным акциям непубличные элементы не могут в полной мере обладать свойствами самооценности и представляют собой не столько особый класс скрытых явлений политической реальности, оказывающих свое специфическое воздействие на процессы власти и управления, сколько все многообразие не попадающих в публичное поле коммуникационных опций.

Непубличное может быть связано и с частной жизнью индивидов, и с их микрогрупповыми практиками (клубы по интересам, кружки и др.), и с социальным плюрализмом (разные уровни и сферы приемлемости и допустимости), и с отсутствием публичного интереса как такового. Непубличное отталкивается лишь от самого факта «отстраивания» от того самого коллективного актора (публики), но к политическому смыслу скрытых явлений сводиться не может, поскольку изначально более обширно, хотя, безусловно, их и вбирает.

Таким образом, терминологические вариации непубличных форм активности оказываются недостаточными для содержательной характеристики скрытых политических явлений. Это обуславливается неизбежной неоднозначностью позиции политического класса и его роли в непубличных акциях: либо они оказываются сознательно спрятанными определенными игроками от коллективного актора, либо это нечто нескорректированное самим коллективным актором — то, что по разным причинам не получило публичной презентации и публичной же реакции.

В любом случае явления, попадающие в категорию непубличных, априори подразумеваются не в качестве самостоятельных феноменов социальной жизни, а как сбои, отклонения или деформации относительно довлеющей над ними парадигмы публичной активности («Если что-то не показали по телевизору, значит этого не было»).

Опираясь на понятие непубличности в политике, мы неминуемо противопоставляем его открытым и поступательным действиям коллективного актора, являющегося все-таки, как было отмечено, «новичком» в сложившейся традиции безусловного доминирования правящего меньшинства. Очевидно, что действия власти, хоть и склонные к альтернативным по отношению к массам интенциям, все же обуславливаются собственными внутренними системными мотивами, развивавшимися на протяжении всей эволюции политики, а не только защитными диспозициями ее последних «публичных» периодов.

Наряду с неформальными и непубличными характеристиками для отражения скрытого характера самореализации участников политического процесса исследователи порой обращаются и к иным понятиям, говоря, например, о теневых сторонах политики. В силу укорененности смежного термина «теневая экономика» с его акцентом на нелегальности и криминальности формирующих действий соответствующие коннотации часто возникают и при использовании такого понятия применительно к политическим объектам [Номоконов, Филиппов 2018]: например, теневая политика трактуется как политика «недекларируемой цели и партикуляристских мер... деятельность по формированию экономического неравенства» [Барсукова 2006, 6].

Важно отметить в этой связи, что, в отличие от экономических процессов, где, скажем, черный рынок и недобросовестная конкуренция как элементы теневой экономики предстают как деструктивные проявления хозяйственных связей и отношений (продолжение тех же сбоев, отклонений, деформаций), в политике скрытые явления вряд ли могут рассматриваться в однозначных нормативных модальностях. Если для вывода из тени экономических процессов, как правило, используется легализация, то есть приведение в формальное соответствие с нормативным порядком, то в политике важна легитимация — приведение в фактическое соответствие с различными социальными обстоятельствами.

Тем самым скрытые аспекты политики тяготеют к ценностно нейтральным параметрам, выходящим за рамки в большей степени все же однозначно трактуемых теневых. Как самоценное явление теневая политика и ее производные, безусловно, попадают — подобно неформальным и непубличным — в более широкое родовое определение скрытых явлений, однако являются их частным проявлением.

Вместе с тем в англосаксонской и ряде иных политических традиций существует устоявшаяся форма теневого правительства и теневых министров, определяемых партией, находящейся в оппозиции. Такого рода теневые назначенцы выступают в публичной сфере в качестве как потенциальных сменщиков, так и постоянных критиков реализуемого курса, носителей некоего квазистатуса в публичном политическом пространстве.

В любом случае, несмотря на образный и вполне устойчивый характер «теневой» терминологии, она также оказывается отягощена весьма узкими смысловыми границами, хотя и существенно конкретизирующими скрытый характер активности участников политического взаимодействия.

Латентные структуры и механизмы политического взаимодействия

Развивая альтернативный термин уже латентных структур и практик в политике, А.И. Соловьев также соотносит их с теневыми элементами, обращая внимание как раз на иллегальный характер деятельности последних. В частности, при описании коммуникационно-сетевого характера

латентной сферы он указывает на «особые, полутеневые конструкции власти и управления, возникающие в результате сочетания сетей с иерархическими и рыночными структурами» [Соловьев 2011, 82], а также на теневые структуры, где «главными игроками являются уже иные персоны, в частности, “авторитеты”, а вместо структурных ячеек элитарных коалиций выступают ОПГ и преступные картели, чьи деловые коммуникации складываются на основании особых групповых норм, обуславливающих действия “по понятиям”» [Там же, 87]. При этом акцент в рамках сетевого подхода делается не столько на самих механизмах сетевого взаимодействия, сколько на их элементах и «ячейках» (игроки, структуры, персоны) — «акторно-сетевой композиции» такого взаимодействия [Соловьев 2021].

Терминология латентных явлений в политике, отражающая более родовый характер для разнообразных скрытых форм активности и получающая заметное, но пока все же разрозненное распространение в науке, отнюдь не нова [Коньков 2021]. Социолог Р. Мертон, ссылаясь, в свою очередь, на философа Ф. Бэкона, психолога З. Фрейда, антрополога Б. Малиновского, концептуализировал латентные функции социальных структур, противопоставив их, как известно, явным функциям [Merton 1957], смысл которых весьма близок тем, которые мы упоминаем в качестве публичных — видимые, осязаемые, свободно воспринимаемые. При этом сам Р. Мертон увязывает латентные функции с произвольно проявляющимися закономерностями, то есть понимает их не столько как скрывающиеся, сколько как скрытые в силу незапланированности, внезапности, неосознанности — неприметные и малозаметные. Такая трактовка латентности вряд ли может устроить исследователя мира политики, где, по утверждению Б. Рассела, «производство намеренных действий» [Рассел 2003, 712] является ключевой стратегией основных акторов.

Явные явления, в свою очередь, тоже не в полной мере публичны. Явное — это то, что легко наблюдается, поддается восприятию без особых дополнительных усилий. Публичное — то, что существует в публичном пространстве, то, что открыто к восприятию и наблюдению (при этом далеко не всегда явно).

В этом смысле латентные функции, по Мертону, совсем необязательно непубличные: они могут быть неявными (незаметными с первого взгляда), но публичными (открыто существующими и поддающимися наблюдению).

Латентные явления в политике все-таки представляются более специфическим феноменом, нежели латентные (неявные) функции социальной системы. Первые в самом общем виде представляют собой элемент управленческого воздействия со стороны актора, ориентированный на сознательное ограничение, скрывание соответствующих объектов от внимания публичной сферы, сохранение их не только вне явного, но и вне поддающегося каким-либо формам познания пространства человеческого восприятия.

Сегодня потребность обращения к понятию латентных явлений обусловлена необходимостью предметного обособления и спецификации скрытых активностей, реализуемых именно в целенаправленном ключе, наделяющем соответствующих субъектов дополнительными технологическими возможностями и инструментами повышения собственной конкурентоспособности. Случайно и произвольно возникающие модальности, несмотря на сопровождающий их неявный характер, приобретают роль скорее факультатива, внешнего эффекта подлинно целенаправленных стратегий акторов, конкурирующих за максимизацию представительства продвигаемого интереса.

Методологический предшественник, коллега и соавтор Р. Мертона П. Лазарфельд разработал метод латентно-структурного анализа, получивший широкое распространение в эмпирических социологических исследованиях [Комаровский 1970]. В основе такого анализа —

понятие латентной переменной, скрытой от наблюдателя, но определяющей поведение индивида и принимающей разные значения в зависимости от субъективных параметров личности и окружающих ее обстоятельств [Lazarsfeld 1954]. При этом в приоритете исследователя находятся именно сами значения, формы проявления соответствующих латентных переменных — природа же их и характеристики оказываются за рамками аналитического подхода.

В этой связи метод позволяет не столько искать ответ на вопрос о сущности скрытых явлений, сколько выявлять их визуализируемые последствия при особом внимании на конкретно сформулированных переменных.

Дальнейшее развитие латентно-структурной методологии вкупе с совершенствованием информационно-математических технологий позволило опираться уже и на латентно-семантические [Landauer et al. 1998], латентно-профильные [Гибсон 1973], латентно-классовые модели [Magidson, Vermunt 2004]. Сегодня они находят отражение в целом ряде аналитических методик, позволяющих исследовать широкую палитру социально-политических явлений. В частности, применяются в рамках факторного и кластерного анализа, когнитивного картирования и других, опирающихся на поиск и интерпретацию вариативных значений подтекстуальной (базирующейся на подтексте) латентной переменной.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении скрытых форм активности, проявляющихся в политике и приобретающих существенное значение для хода и результатов взаимодействия ее участников, наиболее полно отражающим сущность и характер функционирования возникающих механизмов и интеракций становится понятие латентных явлений или — более широко — латентности как особого класса феноменов, фундирующих политические стратегии акторов.

Латентность представляет собой особую форму интерпретации скрытых способов выражения, продвижения и реализации интересов политических акторов, базирующуюся на объективно обусловленном и функционально необходимом неоглашаемом характере выработки и достижения субъективных целей в политике. Латентность является неотъемлемой составляющей политических отношений, концентрируя в себе сущностные и функциональные особенности фактических активностей и взаимодействия субъектов, не попадающих в поле прямого декларирования.

В известной степени латентность сочетает в себе отдельные атрибуты рассмотренных выше неформальности, непубличности и теневых форм активности, которые связаны с субъективными поведенческими практиками, отражающими подлинные реалии самопрезентации акторов в процессе формирования и осуществления своих целей. В частности, подобно историческому предшествованию неформальных норм их более современным формализованным состояниям, латентность как органическая характеристика субъективного стремления обезопасить реализацию своих интересов может рассматриваться в качестве базового и первородного принципа функционирования политики, много позже дополненного постулатами развития публичной сферы.

Латентные явления, в свою очередь, включают в себя все многообразие форм самореализации акторов (в первую очередь целей и задействуемых для их воплощения механизмов и технологий), сознательно реализуемых ими скрытым от других участников политического процесса образом в целях обеспечения наиболее «выигрышной» для максимизации своих интересов коммуникационной стратегии. Такого рода явления повсеместны в отношениях, де-факто образующих реальный политический процесс.

Чаще, не попадая в публичную плоскость политики в силу обозначенной объективной потребности в сохранении акторами скрытного характера предпринимаемых акций и интеракций, латентные явления формируют особое пространство общественно-политического взаимодействия, которое может способствовать более высокой продуктивности политических проектов, но при этом не поддаваться нормированию и масштабированию, свойственным «лучшим практикам» в публичной сфере.

Объективно обусловленные латентные явления, формируемые обширным числом акторов на разных аренах и уровнях взаимодействия, образуют в политике особую латентную сферу, вбирающую в себя индивидуальные и групповые приемы и практики, сочетающие развитие общественно-политической среды с завоеванием и удержанием власти, а потому дистанцирующиеся от прямого вовлечения коллективного актора, осуществляющего контрольные функции. Иными словами, латентная сфера представляет собой пространство политической активности «без спроса» со стороны «всевидящего ока» масс как источника легитимности принимаемых и реализуемых решений.

При этом латентная сфера — пространство для не просто разовых, сиюминутных ad hoc инструментов, куда периодически «заглядывают» акторы, не желающие решить конкретный вопрос открыто и публично. Это сфера постоянного взаимодействия всех значимых игроков, которая изначально формировалась (и, как уже отмечалось, задолго до возникновения современных публичных механизмов) в качестве основной арены продвижения интересов всех властно значимых участников политического процесса.

Список литературы:

Аверина О.М. Политический интерес как превращенная форма социально-экономического интереса // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 9. С. 727–737. DOI: [10.55186/2413046X.2022.7.9.539](https://doi.org/10.55186/2413046X.2022.7.9.539)

Барсукова С.Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. Препринт WP4/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Буханцова А.В. Проблема соотношения национального и политического интереса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2. С. 66–69. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-6-2-66-69](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-6-2-66-69)

Гибсон У. Факторный, латентно-структурный и латентно-профильный анализ // Математические методы в социальных науках / под ред. П. Лазарсфельда, Н. Генри. М.: Прогресс, 1973. С. 9–41.

Журавлева Т.А. Латентные сети в публичной политике // Власть. 2016. Т. 24. № 6. С. 22–28.

Комаровский В.С. Некоторые проблемы измерения социальных установок // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 24–31.

Коньков А.Е. Латентное пространство публичной политики в современном государстве: в поисках теоретической модели. М.: Аргмак-Медиа, 2021.

Кочедыков И.Е. Феномен клиентелизма в молдавской политике // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2. С. 203–215.

Лебедева М.М. В поисках нового мирового порядка: интересы акторов мировой политики // Политическая наука. 2024. № 2. С. 102–123. DOI: [10.31249/poln/2024.02.05](https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.05)

Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа // Политическая наука. 2021. № 4. С. 210–238. DOI: [10.31249/poln/2021.04.09](https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09)

Моляренко О.А. Теневое государственное и муниципальное управление // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3(133). С. 119–132. DOI: [10.14515/monitoring.2016.3.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.06)

Номоконов В.А., Филиппов В.В. Теневое государство и преступность // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2018. С. 18–26.

Рассел Б. История западной философии. В 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003.

Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 5–21.

Скоробогатова А.В. Институциональная коррупция в государственном управлении: модели и практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 86–100.

Соловьев А.И. Квазиполитические системы в пространстве современного государства: социальные и политические последствия // Политическое в условиях цифровых трансформаций: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Политическое в условиях цифровых трансформаций: философия, наука, технологии». М.: Аспект-Пресс, 2022. С. 129–143.

Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 70–98.

Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Аспект Пресс, 2021.

Цыганков П.А. Глоссарий. Н — национальный интерес // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. С. 119–123.

Axelrod R. An Evolutionary Approach to Norms // The American Political Science Review. 1986. Vol. 80. Is. 4. P. 1095–1111.

Bobbio N. The Future of Democracy. Cambridge: Polity, 1980.

Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965.

Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. Is. 4. P. 725–740.

Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. An Introduction to Latent Semantic Analysis // Discourse Processes. 1998. Vol. 25. Is. 2–3. P. 259–284. DOI: [10.1080/01638539809545028](https://doi.org/10.1080/01638539809545028)

Lazarsfeld P. A Conceptual Introduction to Latent Structure Analysis // Mathematical Thinking in the Social Sciences / ed. by P. Lazarsfeld. Glencoe: Free Press, 1954. P. 349–387.

Ledeneva A. Unwritten Rules. How Russia Really Works. London: Center for European Reform, 2001.

Magidson J., Vermunt J.K. Latent Class Models // Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences / ed. by D. Kaplan. New York: Sage, 2004. P. 175–198.

Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Glencoe: Free Press, 1957.

North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Panayotou T. Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool // Environment and Development Economics. 1997. Vol. 2. Is. 4. P. 465–484.

References:

Averina O.M. (2022) Political Interest as a Transformed Form of Socio-Economic Interest. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*. Vol. 7. No. 9. P. 727–737. DOI: [10.55186/2413046X_2022_7_9_539](https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_9_539)

Axelrod R. (1986) An Evolutionary Approach to Norms. *The American Political Science Review*. Vol. 80. Is. 4. P. 1095–1111.

Barsukova S.Yu. (2006) *Shadow Economy and Shadow Politics: The Mechanism of Merging*. Working paper WP4/2006/01. Moscow: GU VShE.

- Bobbio N. (1980) *The Future of Democracy*. Cambridge: Polity.
- Bukhantsova A.V. (2021) The Problem of the Correlation of National and Political Interest. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 6–2. P. 66–69. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-6-2-66-69](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-6-2-66-69)
- Easton D. (1965) *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley.
- Gibson W. (1973) Factor Analysis, Latent Structure Analysis and Latent Profile Analysis. In: Lazarsfeld P., Henry N. (eds.) *Readings in Mathematical Social Sciences*. Moscow: Progress. P. 9–41.
- Helmke G., Levitsky S. (2004) Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. *Perspectives on Politics*. Vol. 2. Is. 4. P. 725–740.
- Kochedykov I.E. (2024) The Phenomenon of Clientelism in Moldovan politics. *Postsovetskie issledovaniya*. Vol. 7. No. 2. P. 203–215.
- Komarovskiy V.S. (1970) Nekotoryye problemy izmereniya sotsial'nykh ustanovok [Some problems of measuring social attitudes]. *Voprosy filosofii*. No. 7. P. 24–31.
- Konkov A.E. (2021) *Latentnoye prostranstvo publichnoy politiki v sovremennom gosudarstve: v poiskakh teoreticheskoy modeli* [Latent dimension of public policy in modern state: In search for a theoretical model]. Moscow: Argamak-Media.
- Landauer T.K., Foltz P.W., Laham D. (1998) An Introduction to Latent Semantic Analysis. *Discourse Processes*. Vol. 25. Is. 2–3. P. 259–284. DOI: [10.1080/01638539809545028](https://doi.org/10.1080/01638539809545028)
- Lazarsfeld P. (1954) A Conceptual Introduction to Latent Structure Analysis. In: Lazarsfeld P. (ed.) *Mathematical Thinking in the Social Sciences*. Glencoe: Free Press. P. 349–387.
- Lebedeva M.M. (2024) In search of a New World Order: Interests of Actors of World Politics. *Politicheskaya nauka*. No. 2. P. 102–123. DOI: [10.31249/poln/2024.02.05](https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.05)
- Ledeneva A. (2001) *Unwritten Rules. How Russia Really Works*. London: Center for European Reform.
- Magidson J., Vermunt J.K. (2004) Latent Class Models. In: Kaplan D. (ed.) *Handbook of Quantitative Methodology for the Social Sciences*. New York: Sage. P. 175–198.
- Melnikov K.V. (2021) Bureaucratic Patronage and Patterns of Administrative Recruitment of Regional Elites in Russia: A Comparative Network Analysis. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 210–238. DOI: [10.31249/poln/2021.04.09](https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.09)
- Merton R.K. (1957) *Social Theory and Social Structure*. Glencoe: Free Press.
- Molyarenko O.A. (2016) Shadow Public Administration. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 3(133). P. 119–132. DOI: [10.14515/monitoring.2016.3.06](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.06)
- Nomokonov V.A., Filippov V.V. (2018) Tenevoye gosudarstvo i prestupnost' [A shadow state as a criminogenic factor]. In: Dolgova A.I. (ed.) *Kriminal'n-yye realii, reagirovaniye na nikh i zakon*. Moscow: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya. P. 18–26.
- North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Panayotou T. (1997) Demystifying the Environmental Kuznets Curve: Turning a Black Box into a Policy Tool. *Environment and Development Economics*. Vol. 2. Is. 4. P. 465–484.
- Russel B. (2003) *A History of Western Philosophy*. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
- Sergunin A.A. (2010) Suverenitet: evolyutsiya kontsepta [Sovereignty: Evolution of the concept]. *POLITEKS*. Vol. 6. No. 4. P. 5–21.
- Skorobogatova A.V. (2019) Institutional Corruption in Public Administration: Models and Practices. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 86–100.

Solovyov A.I. (2022) Kvazipolitieskiye sistemy v prostranstve sovremennogo gosudarstva: sotsial'n-yye i politicheskiye posledstviya [Quasipolitical systems in modern state: Social and political consequences]. *Politicheskoye v usloviyakh tsifrovyykh transformatsiy: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem) "Politicheskoye v usloviyakh tsifrovyykh transformatsiy: filosofiya, nauka, tekhnologii"*. Moscow: Aspekt-Press. P. 129–143.

Solovyov A.I. (2011) Latentnyye struktury upravleniya gosudarstvom ili igra teney na like vlasti [Latent structures of government or the play of shadows on the face of power]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 70–98.

Solovyov A.I. (2021) *Politika i upravlenie gosudarstvom. Ocherki teorii i metodologii* [Policy and managing a state. Sketches of theory and methodology]. Moscow: Aspekt Press.

Tsygankov P.A. (2020) Glossary. N — national interest. *Rossiya v global'noy politike*. No. 1. P. 119–123.

Zhuravleva T.A. (2016) Latent Networks in Public Policy. *Vlast'*. Vol. 24. No. 6. P. 22–28.